

А. М. ПОТ (Ужгород)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕВЕНГЕРСКО-ДРЕВНЕРУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Вопросы древневенгерско-древнерусских языковых контактов изучены слабо. Лингвисты сделали еще мало для исследования тех венгерских слов, которые восходят к древнерусскому. Разумеется, необходимо дать себе ясный отчет в том, что хотя этимологизация древнейших пластов лексики неразрывно связана с такой важной проблемой, как взаимосвязь языка с древнейшей материальной и духовной культурой, эта взаимосвязь зиждется не на линейной каузальности, а на зигзагообразном отражении языками понятий действительности, на разнообразном психологическом подходе к образованию языковых «слепков действительности» тех далеких времен. Прав В. Н. Топоров, считающий, что «этимология слова не меньше характеризует человека, чем предмет, названный этим словом».¹

В самом деле, почему даже в близкородственных языках, например в финно-угорских, в языковом «слепке действительности» понятия «лицо человека» содержатся различные типологические образы: венг. *arc* < < *orcza* < *orca* < **orsza* (нос + рот), манс. *ńal-sam* (нос + глаз), мансСЛ *ńol-tus* (нос + рот), хантЮ *ńǫl-sǫm* (нос + глаз), коми-зырВ *ńir-vom* (нос + рот), удмС *im-ńir* (рот + нос); чем это психологически обусловлено? Или чем объяснить, что для понятия «коршун» (лат. *Accipiter*) венгерский язык и его диалекты создали более 23 различных «слепков действительности», как *keselyű*, *hėja* и т. д.² Все это объясняется спецификой языкового отражения действительности. В процессе лексической номинации разные языки могут поднять до уровня характерной черты знаковости разные стороны явления действительности. Поэтому подлинно научная этимологизация древнейших пластов лексики требует осторожного подхода при идентификации древней лексемы с древней реалией.

В языковедческой литературе по лингвистической интерференции до сих пор не решен вопрос, заимствованием какого языка следует считать ту или иную лексему — языка, из которого она непосредственно заимствована или проникла, или языка, к которому генетически восходит. Так, известно, что болгарский язык заимствовал немало лексем,

¹ В. Н. Топоров, О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ 1960, № 3, стр. 51.

² См. *A magyar nyelv értelmező szótára I—VII*, Budapest 1959—1962, а также *Uj Tájszótár* (Картотека нового диалектологического словаря венгерского языка в Институте языкознания Венгерской АН, в дальнейшем ÚTSz).

в особенности интернационализмов, генетически восходящих к греческому и западноевропейским языкам, не непосредственно, а через восточнославянские языки, в частности через русский (например, *фестиваль, революция, автономия, герой, циркуляр* и др. — всего, по подсчетам Б. Цонева, около 800—900 слов).³ Л. Андрейчин⁴ и Н. Дамерау⁵ считают их заимствованиями из русского языка, А. Пиронков⁶ — заимствованиями из греческого, французского, немецкого и т. д.

Стремясь избежать этих противоречий, исследователи в большинстве случаев отмечают, при посредничестве какого языка была заимствована та или иная лексема. Так, К. К. Мирчев указывает, что в заимствовании болгарским языком интернационализмов «русский язык был главным посредником». ⁷ Или, говоря о древнерусском слове *лыскарь* 'лопата, кирка', исследователи указывают, что он было заимствовано из греческого *λιγρά(ov)* через язык тюркских племен⁸, которые в V—IX вв. жили на юге России и Украины. А др.-рус. *шатърь* (совр. рус. *шатер*, укр. *шатъор*, белорус. *шацер*) было заимствовано из тюркского *šatir* через язык венгерских племен⁹, которые в VII—IX вв. жили в лесостепной и степной полосах южной России и Украины. Однако этим противоречие не разрешается. Ведь посредничество мысленно сводит роль языка, из которого лексема непосредственно заимствована, к роли временного «моста» между языком-источником и языком-рецептором. На самом деле посредничество — явление языковой аттракции¹⁰, а лексическое заимствование может жить в языке-посреднике долгое время, прежде чем попадет в язык-рецептор. Так, ретором. *chotscha* 'брюки; чулки'¹¹ прежде чем попасть в венгерский (*helisnya ~ harisnya* то же) функционировало в украинском языке (*холошня ~ холошне ~ холошни*) много десятков лет.

Более основательно эти противоречия решает хорошо аргументированная теория глобального этимологического анализа А. Граура¹², которая дает возможность отличать исторический источник заимствования от генетического. Так, историческим источником др.-рус. *лыскарь* следует считать тюркский, а генетическим — греческий язык; историческим источником др.-рус. *шатърь* — венгерский, генетическим — тюркский.

Глобальный этимологический анализ и лингвогеографическая интерпретация изоглосс диалектологического материала венгерского языка свидетельствуют о том, что при определенных условиях историческим

³ Б. Цонев, Влияние на русския език. — История на български език II. София 1934, стр. 343.

⁴ Л. Андрейчин, Ролята на руския език в развитето на съвременния български книжовен език. — Български език II 1952 3—4, стр. 178.

⁵ N. Damerau, Russische Lehnwörter in der neubulgarischen Literatursprache, Berlin 1960.

⁶ А. Пиронков, За побългаряването на руските думи в българския език. — Родна реч I 1928 5, стр. 209.

⁷ К. К. Мирчев, Историческа граматика на българския език, София 1963, стр. 95.

⁸ И. Добродомов, О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство. — Лексикология и словообразование древнерусского языка, Москва 1966, стр. 256.

⁹ J. Melich, Szláv jövevényyszavaink II, Budapest 1905, стр. 939—940.

¹⁰ Б. А. Серебренников, Теория волн И. Шмидта и явления языковой аттракции. — ВЯ 1957, № 4, стр. 3—16.

¹¹ О. Н. Трубачев, Лингвистическая география и этимологические исследования. — ВЯ 1959, № 1, стр. 16—33. Разумеется, ретором. *chotscha* было заимствовано украинским языком по аттракции.

¹² A. Graur, Etimologie multiplă. — Studii de lingvistică generală, București 1960, стр. 68—75.

источником лексического заимствования или проникновения бывает несколько языков и диалектов. Речь идет о повторных заимствованиях (например, венг. *borona* ~ *berena* < др.-рус. *борона* ~ *бервено* (заимствовано в IX в.); венг. *bránna* ~ *bránnya* < словен. *brana* (заимствовано в XI в.); венг. *dekec* ~ *dehec* < зак.-укр. *дегеть* ~ *декеть* ~ *декець* (заимствовано в XVIII в.); венг. *dohot* ~ *dohat* < рум. *dohot* ~ *duhot* (заимствовано в XVIII в.) 'деготь').

Кроме того, разные диалекты одного языка заимствуют иногда лексическую единицу для одного и того же понятия из разных источников, чаще всего генетически родственных языков и диалектов (например, венг. *palozsna* 'яйцо для приманки курицы-несушки' имеет в диалектах разные фонетические варианты: *palos* ~ *pалlos* ~ *palas* ~ *pal-las* ~ *polos* ~ *polozs* ~ *parozs* ~ *parozsna* ~ *polizsnya* ~ *paluzsna* ~ *porozsnyak* и т. д. — всего, по данным NyA и UTSz, 32 и группируются они в четыре группы, поскольку историческим источником их заимствования были четыре славянских языка: болгарский, словацкий, словенский и украинский.

К тому же из-за генеалогической и типологической близости славянских языков для установления исторического источника заимствования того или иного славянизма лексики венгерского языка недостаточны критерии этимологизирования, изложенные в работах В. И. Абаева, Г. Барци, А. А. Белецкого, Б. Видоша, И. Книежи, В. Махека, Я. Мелиха, В. А. Никонова, Q. Отрембского, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, М. Фасмера и других. Для того, чтобы расчленил славянизмы венгерского языка по историческим источникам заимствования, мы должны применять не только известные критерии этимологизирования (притом совокупно, как предлагает О. Семереньи¹³). Нужно принять во внимание и критерии факторов, восходящих к экстралингвистическим явлениям, и, действительно, комплексно применять их все. Это значительно увеличит эффективность расчленения славянизмов венгерского языка и определение исторических источников их заимствования. В зависимости от количества критериев, подтверждающих исторический источник заимствования славянизма, мы различаем: а) максимальную относительную этимологическую надежность (от 5 до 6 критериев); б) среднюю относительную этимологическую надежность (от 4 до 5 критериев); в) минимальную относительную этимологическую надежность (от 3 до 4 критериев).

В предыдущих работах о взаимодействии венгерского языка с восточнославянскими мы стремились при помощи комплексного этимологизирования изучить венгерские лексические заимствования и проникновения, восходящие к древнерусскому, и сделать выводы об особенностях языковой интерференции, способствовавшей их заимствованию.¹⁴ Этим самым мы хотели дать и лингвистические аргументы для освещения вопросов о времени пребывания венгерских племен на территории Башкирии, о существовании или несуществовании так наз. Кубанской (Кавказской) прародины венгров, о продолжительности пребывания венгерских племен в лесостепной и степной полосах южной России и Украины — вопросов, которые уже продолжительное время

¹³ O. Szemerényi, Principles of Etymological Research in the Indo-European Languages. — II Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft, Innsbruck 1962, стр. 162—202.

¹⁴ А. М. Рот, О древнейших венгерско-восточнославянских языковых контактах. — Slavica VII 1967, стр. 27—39; его же, Давньоруські лексичні запозичення в угорській мові та питання фонологічного засвоєння їх звукової оболонки. — Матеріали XXI наукової конференції УЖДУ, Київ 1967, стр. 189—197.

горячо обсуждаются как в венгерской, так и в советской историографии.¹⁵

Ретроспективный анализ древнерусских элементов в лексике венгерского языка и древневенгерских элементов в лексике восточнославянских языков дает основание считать, что начало венгерско-восточнославянских языковых контактов необходимо отнести к середине VII в. н. э. Таким образом, до прихода венгров в Паннонию и Карпатский бассейн (конец IX в.) эти контакты охватывают период около 250 лет.

Глобальный и комплексный этимологические анализы показали, что на протяжении VII—IX вв. венгерский язык обогатился древнерусскими лексическими заимствованиями и проникновениями, которые охватывают следующие семантические микроструктуры:

1) термины сельскохозяйственного производства: др.-рус. *борона* ~ *бервена* > венг. *borona* ~ *berena*; др.-рус. *градиль* > венг. *gerendely*; др.-рус. *перѣлогъ* > венг. *parlag*; др.-рус. *борозда* > венг. *borozda*; др.-рус. *пелева* ~ *полова* > венг. *peľuva* ~ *polyva*; др.-рус. *лазъ* > венг. *láz* (поле); др.-рус. *сѣно* > венг. *széna* ~ *szina*; др.-рус. *угоръ* > венг. *ugar*; др.-рус. *мажа* > венг. *mázsa* и др.;

2) термины рыболовства: др.-рус. *тоня* (< *топ + ня) > венг. *tanya*; др.-рус. *сѣджа* > венг. *szegye* ~ *szégye*; др.-рус. *врша* > венг. *varsa*; др.-рус. *виз(а)* > венг. *viza*; др.-рус. *икра* > венг. *ikra*; др.-рус. *насадъ* > венг. *naszád* и др.;

3) термины быта: др.-рус. *жиръ* > венг. *zsír*; др.-рус. *чересло* > венг. *csoroszlya* и др.;

4) названия птиц: др.-рус. *крѣчетъ* > венг. *kerecset*; др.-рус. *верб(уй)* > венг. *veréb* и др.;

5) термины духовной культуры: др.-рус. *вождь* > венг. *vajda* ~ *vojvoda*; др.-рус. *корочонъ* > венг. *karácsony*; др.-рус. *серѣда* > венг. *szerda*; др.-рус. *сабота* ~ *соубота* > венг. *szombat*; др.-рус. *челядь* > венг. *cseléd*; др.-рус. *чалмъ* > венг. *család*; др.-рус. *крѣсть* > венг. *kereszt* и др.;

6) этнонимы и топонимы: др.-рус. *лджанъ* (лджанинъ) > венг. *lengyel* ~ *lengyen*; др.-рус. *яси* > венг. *jász*; др.-рус. *жидове* > венг. *zsidó*; др.-рус. *Дунай* > венг. *Duna* и др.

Комплексный этимологический анализ показал, что у 86% перечисленных лексических заимствований и проникновений древнерусский как исторический источник заимствования имеет максимальную, а у 14% — среднюю относительную этимологическую надежность.

В своих предыдущих работах, в частности в монографии «Венгерско-восточнославянские языковые контакты» (в печати), мы детально рассматриваем пути проникновения и заимствования этих древнерусизмов в венгерский язык, их фонетическую, фонологическую, лексическую, семантическую, словообразовательную и морфологическую аккомодацию, адаптацию и ассимиляцию и те сдвиги, ту интерференцию, которую они вызвали на различных языковых уровнях языка-рецептора. В целом отметим, что 92% рассмотренных древнерусских лексических заимствований и проникновений венгерского языка имеют максималь-

¹⁵ Э. Мольнар, Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа (= *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 13, Budapest 1955); Б. А. Се-ребренников, К вопросу о связи башкирского языка с венгерским, Уфа 1963.

ную ($Q \leq 0,01-0,03$), а 8% — выше средней ($Q \leq 0,04-0,06$) общеязыковую ассимиляцию.¹⁶

Таким образом, венгерский язык полностью усвоил древнерусские лексические заимствования и проникновения и в плане синхронии они ничем не отличаются от исконных финно-угорских слов. Незначительны и языковая интерференция, сдвиги, которые они вызвали на лексическом, фонетическом и фонологическом уровнях венгерского языка.

В лингвистической литературе, посвященной вопросам славянских и других иноязычных элементов в лексике венгерского языка, на наш взгляд, недостаточно подчеркнута следующая мысль: величие венгерского языка состоит как раз в том, что на протяжении веков он, впитав в себя значительное количество чужих лексических заимствований и проникновений, не был «разрушен» давлением элементов и структурно-типологических моделей языков-источников, не попал под их иго, его не постигла судьба других языков, попавших в такие же условия, т. е. он не был ассимилирован, как, например, тюрко-болгарский язык¹⁷ на Дунае.

Изучив особенности семантических микроструктур древнерусских лексических заимствований и проникновений в венгерском языке, мы попытались установить закономерности в отражении действительности тех отдаленных времен и сделать некоторые выводы культурно-исторического порядка. Мы пришли к выводу, что венгерские племена, находясь на территории Дентумогиери (бассейн Дона), Мещеры, Леведии и Ателькюза (VII—IX вв.), вели полуоседлый образ жизни (*elszakadás*). И хотя часть мужского населения венгерских племен под руководством воевод совершала рейды, характерные для кочевников (иногда на расстояние многих сотен километров), она возвращалась в освоенные районы, где оставшиеся мужчины и женщины занимались земледелием и рыбной ловлей. Правда, поскольку земледелие было «подсечным»¹⁸ и отличалось от способа обработки земли, который венгерские племена изучили в период их контактирования с булгаро-тюрками¹⁹, эти поселения в Дентумогиери (бассейне Дона), Мещере, Леведии и Ателькюзе не были стабильными. Вместе с тем наличие на этой территории юга России и Украины, особенно в Мещере, ряда древних топонимов и гидронимов, восходящих к именам венгерских племен, перечисленных Константином Багрянородным (*De administrando imperio*): Мещера, Мещерск < венг. *Megyeri*; Нагино < венг. *Nyék*²⁰; Кар < венг. *Kér* и др. — всего 23 древних топонима и гидронима, дает нам

¹⁶ Они спадают до лексических заимствований и проникновений типа *Lehnwörter* — традиционной классификации, восходящей к Я. Гримму. На слабые стороны традиционной классификации степени усвоения лексических заимствований и проникновений недавно указала И. Крейн в своей кандидатской диссертации «Французские заимствования XIX в. в английском языке» (Москва 1963). Мы, взяв за основу ее точные методы определения степени общеязыковой ассимиляции лексических заимствований и проникновений, усовершенствовали их, внесли в них новые критерии классификации; Q = исконный прототип.

¹⁷ Этот вопрос ставит И. Книежа (*I. Kniezsa, Magyarország népei a XI sz.-ban. — Szent István Emlékkönyv II, Budapest 1938, стр. 455*), но решает его, по нашему мнению, слишком упрощенно.

¹⁸ Об этом свидетельствуют лексические заимствования: венг. *ugar, borona*, а также семена сорняков, найденных археологами в раскопках бассейна Дона. О подсечном земледелии см. В. И. Довженко, *Землеробство древней Руси, Киев 1961*.

¹⁹ Оно отличалось и от способа обработки земли, с которым венгры встретились в Паннонии и Карпатском бассейне. Поэтому не прав Э. Моор, считая, что все славянизмы в венгерском, относящиеся к семантической микроструктуре земледелия, были заимствованы после прихода венгров в Паннонию.

²⁰ Как апеллатив *nyék* имеет значение 'заграждение, засека'. К. Реден сближает венг. *nyék* с манс. *пер-* 'вязать': *Tanulmányok a magyar nyelv életrajza köréből (= Nyelvtudományi Ertekezések 40), Budapest 1964, стр. 311*.

основание предполагать, что венгерские племена, подобно их соседям вятичам²¹, полянам и другим восточнославянским племенам, у которых они заимствовали способы «подсечного» земледелия, циклически возвращались к своим «угорам» (*ugar*) и «перелогам» (*parlag*), с таким трудом отвоеванным у природы.

Занятие рыбной ловлей у венгерских племен на юге России и Украины в VII—IX вв., также претерпело некоторые изменения. Оно усовершенствовалось, стало «кустовым» промыслом (ср. венг. *bokor*).

В пользу того, что венгерские племена на территории Дентумогиери (бас. Дона), Мещеры, Леведии и Ателькюза вели полуседлый образ жизни, косвенно говорят и результаты лексико-статистического анализа болгаро-тюркизмов в терминах соответствующих семантических микроструктур венгерского языка. Взяв за исходное глоттохронологические методы М. Сводеша²², поправки к ним В. Гуцу-Ромало²³, интересные наблюдения по вопросам лексико-статистического анализа В. М. Иллич-Свитица²⁴, мы попытались выяснить закономерности «продолжительности функционирования лексем». Проанализировав значительный материал диалектов Карпатского ареала, т. е. диалектов венгерского, украинского, румынского, болгарского, словацкого, польского языков, их синхронный и диахронный срезы, мы пришли к выводу, что лексема, оторванная от реалии, архаизируется в течение 25—35 лет, а в течение 70—80 лет после исчезновения понятия выпадает из словарного состава. Следовательно, если бы венгерские племена в течении 250 лет своего пребывания в лесостепной и степной полосах юга России и Украины не занимались земледелием и рыбной ловлей, в венгерском языке не сохранились бы те лексеммы соответствующих семантических микроструктур, которые они заимствовали из болгаро-тюркского в VII в., т. е. в современном венгерском языке не функционировали бы такие слова, как *búza* 'пшеница' < др.-чув. **boyday*; *eke* 'плуг' < чув. *aka*; *kender* 'конопля' < др.-чув. **kandir*; *sarló* 'серп' < чув. *sol-* 'молотить'; *gyertya* 'свеча, лучина, используемая при рыбной ловле ночью' < др.-тюрк. **yarta* и т. д.²⁵

Известно, что покинув Леведию и Ателькюз, венгерские племена в 896 г. пересекли Веречанский и другие перевалы в Закарпатье и Трансильвании, поднялись вдоль Железных ворот Дуная и поселились в Паннонии и Карпатском бассейне. Таким образом, в 896 г. прекратились древневенгерско-древнерусские маргинальные контакты²⁶ и, сле-

²¹ М. Н. Федорова попыталась этноним *вятичи* сблизить с венг. *vetési* 'сеять'. (Республиканська наукова конференція з питань російсько-українських мовних зв'язків, Луганск 1964, стр. 81), но малоубедительно.

²² M. Swadesh, Lexicostatistic Dating of Prehistoric Ethnic Contacts. — Proceedings of the American Philosophical Society 96 1952, стр. 452—463.

²³ V. Guțu-Romalo, Stabilirea datei de separație a arominei de dacoromina cu ajutorul glotocronologiei. — Studii și cercetări lingvistice 10 1959, стр. 573—585.

²⁴ В. М. Иллич-Свитиц, Мнимые и действительные возможности лексико-статистики, Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. — Основные проблемы эволюции языка I, Самарканд 1966, стр. 160—162.

²⁵ G. Bárczi, Magyar Szófejtő Szótár, Budapest 1941 (Bárczi: SzófSz); Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkischen lehnwörter in der ungarischen sprache (= MSFOu XXX), Helsinki 1912 (Gombocz: BTLw); A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I, Budapest 1967 (TESz); Magyar etymologiai szótár I—II, Budapest 1914—1944 (EtSz).

²⁶ Нельзя согласиться с мнением А. К. Боровкова о том, что о «маргинальных» и «интрарегиональных» контактах можно говорить лишь после окончательного формирования народности как исторической категории. «Маргинальные» и «интрарегиональные» контакты могут возникать при взаимодействии языков племен. См. материалы конференции о языковом субстрате, в частности доклад Б. А. Серебrenникова и выступление А. К. Боровкова (Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР IX, Москва 1956).

довательно, перечисленные древнерусизмы были заимствованы древневенгерским, проникли в него не позже этого года.²⁷ Во взаимодействии языков древнейшего периода мы не часто встречаем такую сравнительно точную дату, которая могла бы стать отправной при абсолютной хронологии языковых явлений как языка-источника, так и языка-рецептора. Древнерусские лексические элементы в древневенгерском языке дают возможность не только сделать ряд важных культурно-исторических выводов о способе жизни древних венгерских и восточнославянских племен в VII—IX вв., но и уточнить абсолютную хронологию фонетических процессов как в языке-рецепторе (древневенгерском), так и в языке-источнике (древнерусском). Эти возможности, особенно в отношении языка-источника, использованы мало.

А ведь еще П. Й. Шафарик — один из патриархов славяноведения — в письме к Ф. Палацкому — известному чешскому историку и деятелю культуры — писал, что живой язык древних славян отражен не столько в их письменных памятниках, сколько в славянских лексических заимствованиях, функционирующих в венгерском. В качестве подтверждения он привел венг. *galamb* 'голубь'.²⁸ Этим примером он хотел подчеркнуть, что звуковой облик славянского заимствования *galamb* в венгерском, а именно наличие в нем сочетания *am*, отражает существование в славянском языке-источнике носового гласного *ǫ*, т. е. дифференциальные признаки, симультанно выступавшие в *ǫ*, в процессе его фонетической и фонологической субституции были в венгерском разложены линейно на *a + m*. Следовательно, данные венгерского языка подтверждают, что в фонологической системе славянских языков, с которыми венгерский в VII—X вв. контактировал, еще функционировал *ǫ*. Эти замечания о подтверждении венгерским языком функционирования в древних славянских языках носовых гласных П. Й. Шафарик сделал тогда, когда открытие К. Востоковым этих гласных другим, более сложным путем, было еще сенсацией.

Мы попытаемся на основе древнерусских элементов лексики древневенгерского языка, т. е. путем анализа звуковой оболочки, реконструкции процесса фонетической, фонологической аккомодации, адаптации и ассимиляции тех древнерусизмов лексики венгерского языка, которые проникли или были заимствованы до 896 г., уточнить абсолютную хронологию смягчения древнерусских полумягких согласных.

Сравнительно-историческое языковедение давно установило, что в фонологической системе древнерусского языка у согласных была первоначально корреляция: твердость — полумягкость — мягкость.

Мягкие согласные имели первоначально в древнерусском лишь незначительную функциональную нагрузку. Они встречались только перед гласными переднего ряда, когда «представляли собою результат праславянского смягчения перед *j*²⁹ (например, *gor'e* < **gorjom*) или когда согласные возникли из праславянских *g*, *k*, *ch* в позиции перед глас-

²⁷ После прихода венгров в Паннонию и Карпатский бассейн были установлены «маргинальные» и даже «интрарегиональные» контакты венгерского языка с языком проживавших здесь восточнославянских этнических групп (в Трансильвании и Закарпатье). Но результаты этих контактов можно обнаружить только начиная с XI в. (ср. укр. диал. *хосен* < венг. *haszon* 'польза'; венг. *italyiga* ~ *taliga* < др.-рус. *тълѣга*), но это уже относится к старовенгерскому периоду.

²⁸ Z. Hauptová, Miklošičovy etymologické pokusy v maďarštině. — Slavia XXVI 1957, стр. 57—58.

²⁹ Н. Д. Русинов, О времени смягчения древнерусских полумягких согласных (Лекция для студентов-филологов по курсу «История русского языка»), Горький 1966, стр. 3.

ными переднего ряда, регрессивно воздействовавшими на них³⁰ (например, *цель* < *kelъ* < **koilus*). Во всех остальных случаях перед гласными переднего ряда функционировали не мягкие, а полумягкие согласные, перешедшие впоследствии также в мягкие согласные и упростившие корреляцию: твердость—мягкость. Но когда произошло упрощение корреляции согласных и переход полумягких консонантов в мягкие? В этом вопросе мнения лингвистов расходятся. Так, если С. Б. Бернштейн³¹, П. Я. Черных³², Н. Д. Русинов³³ и другие считают, что этот процесс произошел еще в дописьменное время, т. е. до XI в. (многие не уточняют, в какой именно век), то Л. Э. Калнынь³⁴, В. В. Иванов³⁵ и другие утверждают, что полумягкие древнерусского смягчились лишь в письменное время, т. е. не ранее XI—XII вв.

Помочь уточнению абсолютной хронологии этого фонетического процесса, происходившего после лабиализации *ter* > *tor* и перед появлением первого полногласия, могут звуковые облики указанных нами древнерусизмов венгерского языка: *család* 'семья' и *cseléd* 'слуга, батрак'.

В лингвистической литературе принято, что венг. *család* ~ *cseléd* восходят к одному славянскому источнику и наличие двух фонетических вариантов — результат действия гармонии гласных в языке-рецепторе, то в прогрессивном, то в регрессивном направлении.³⁶ На самом деле, как показали наши исследования, действие гармонии гласных могло иметь здесь лишь прогрессивное направление.³⁷ Оба фонетических варианта не могли возникнуть на собственно венгерской языковой почве. Последние отражают различия в звуковой оболочке языка-источника и мы имеем здесь дело с повторным заимствованием.

Венг. *család* 'семья, домочадцы' — *cseléd* 'слуга, батрак' засвидетельствованы впервые как топоним *Scalad* в 1113 (1249; 1410) г., как апеллятив *chaalad* в 1493 г.; *cseléd* в 1525 (1640) г. В памятниках венгерского языка и его диалектах зафиксированы следующие фонетические варианты: *solad* ~ *salad* ~ *csanád* ~ *csalord* ~ *tseléd* ~ *cse-lérd* ~ *cseléd* ~ *cselid* ~ *csilid* (NySz, OklSz, UTSz, TESz). Расчленение в семантическом отношении и закрепление за фонетическим вариантом *család* значения 'семья, домочадцы', а за *cseléd* 'слуга, батрак' произошло только в XIX в. Кстати, фонетический вариант *család* начиная с середины XVI в. употреблялся в письменных памятниках все реже, а затем совсем исчез, и лишь в 1831 г. был «возрожден» в литературном языке знаменитым поэтом М. Верешмари.

Это лексическое заимствование, функционирующее в венгерском общенародном и литературном языках, а также венгерских диалек-

³⁰ С. Б. Бернштейн высказал предположение, что свистящие согласные, которые возникли в результате второго смягчения заднеязычных согласных, были не столь мягкими, как шипящие согласные, возникшие по первому смягчению заднеязычных согласных (Очерк сравнительной грамматики славянских языков, Москва 1961, стр. 200—203).

³¹ С. Б. Бернштейн, указ. раб. стр. 241.

³² П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, Москва 1962, стр. 93.

³³ Н. Д. Русинов, указ. раб., стр. 6.

³⁴ Л. Э. Калнынь, Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. — Ученые записки Института славяноведения АН СССР XIII, Москва 1956, стр. 137—150; ее же, Развитие корреляции твердости и мягкости согласных фонем в славянских языках, Москва 1961, стр. 20—21.

³⁵ В. В. Иванов, Историческая грамматика русского языка, Москва 1964, стр. 172.

³⁶ L. Grétsy, A szóhasadás, Budapest 1962, стр. 100.

³⁷ А. М. Пот, О гармонии гласных в финно-угорских языках. — Вопросы финно-угорского языкознания I, Москва—Ленинград 1964, стр. 59—68.

тах — результат языковой интерференции маргинальных древнененгерско-древнерусских языковых контактов и восходит: *család* — к др.-рус. *чалъдь* ~ *челъдь* («даривъ скорое и чалъдью и воскомъ» — Лаврентеевская летопись, лист 14, оборот)³⁸; *cseléd* — к др.-рус. *челъдь* ~ *челядь* (I Новгородская летопись, лист 74)³⁹ (ср. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка III, Санкт-Петербург 1893—1897, стр. 1497); ср. рус. диал. *челядь* 'большая семья', *челядня* 'людская изба' (В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка IV, Санкт-Петербург 1903, стр. 606); укр. *челядь* 'молодчик, домочадцы', *челядин* 'взрослый сын', *челядина* 'взрослая дочь', *челядник* 'работник, наймит', *челядка*, *челядница* 'служанка' (см. Б. Д. Гринченко, Словарь української мови IV, Киев 1909, стр. 450); белорус. *челядзик* 'домочадец', *челядник* 'наемный работник (годовой)', *челядка* 'работница' (И. Носович, Словарь белорусского наречия II, Санкт-Петербург 1870).

Др.-рус. *чалъдь* ~ *челъдь* ~ *челядь* как исторические источники венг. *család* ~ *cseléd* подтверждается четырьмя критериями (внутриязыковых и экстралингвистических факторов) комплексного этимологизирования, имея таким образом среднюю относительную надежность.

Генетический источник этого древнерусизма восходят к праслав. **čalad* ~ **čeljadь* (ср. болг. *челяд*, сербохорв. *челяд*, словен. *čeljad*, др.-чеш. *čeled*, словац. *čelad*, польск. *czeladź*, в.-луж. *čeledź*, н.-луж. *čelaž* 'семья, домочадцы'), являясь наследием языка-основы индоевропейских языков (ср. литов. *keltis* ~ *kiltis*, санскр. *kulam*). Этим он, очевидно, восходит к индоевропейскому **čelo* 'толпа, множество, род' (О. Ашбот, Несколько замечаний на сочинение В. И. Ягича об истории происхождения церковно-славянского языка. — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук VII 1902, 4, стр. 15; J. Melich: MŇy 8 1912, стр. 151; MŇy 14 1918, стр. 148; V. Tolnai: MŇy 12 1916, стр. 339; А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка II, Москва 1959, стр. 1202; Prohászka: Nyr. 58 1929, стр. 25; I. Kniezsa: Századok 73 1939, стр. 173; MŇy 6 1910, стр. 29; Studia Slavica XI 1965, стр. 22; L. Benkő, A magyar *ly* hang története (= Nyelvtudományi Értekezések 1), Budapest 1953, стр. 30; Gy. Györfly: Századok 92 1958, стр. 37; Perényi: Studia Slavica II 1956, стр. 27; F. Miklosich: Nyr. 11 1882, стр. 118; K. Király: Nyr. 26 1897, стр. 302; G. Reichenkron: UAJb. XXV 1953, стр. 75; F. Barna: NyK 6 1868, стр. 91; G. Bárczi: SzófSz; EtSz, TESz. Данные внутрилингвистических и экстралингвистических факторов свидетельствуют о том, что фонетический вариант венг. *család* — результат языковой интерференции древнененгерско-древнерусских языковых контактов начала VIII в. Закономерности фонетической и фонологической субституции, аккомодации, адаптации и ассимиляции говорят о том, что в языке-источнике функционировало в этом слове полумягкое *ч* — др.-рус. *чалъдь* — *челъдь*. Фонетический вариант венг. *cseléd* — результат повторного заимствования, т. е. языковой интерференции древнененгерско-древнерусских языковых контактов середины VIII в. Закономерности фонетической и фонологической субституции, аккомодации, адаптации и ассимиляции показывают, что этот фонетический вариант

³⁸ См. картотеку словаря древнерусского языка в Институте русского языка Академии наук СССР в Москве (за возможность пользоваться ею выражаю свою благодарность проф. Р. И. Аванесову).

³⁹ Там же.

отражает мягкое *ч'* языка-источника — др.-рус. *ч'елядь* ~ *ч'елядь*, т. е. результат смягчения полумягких согласных древнерусского языка.

Таким образом, процесс смягчения полумягких согласных в восточнославянском языковом ареале⁴⁰ происходил в середине VIII в.

Сокращения

NyA — Magyar Nyelvatlasz (рукопись); **NySz** — G. Szarvas, Zs. Simonyi, Magyar Nyelvtörténeti Szótár, Budapest 1890—1893; **Oklsz** — I. Szamota, Gy. Zolnai, Magyar Oklevélszótár, Budapest 1902—1906; **Studia Slavica** — Studia Slavica, Budapest; **Századok** — Századok, Budapest.

в.-луж. — верхнелужицкий язык; **греч.** — греческий язык (классический); **зак.-укр.** — закарпатоукраинские диалекты; **коми-зырВ** — вичегодский диалект коми-зырянского; **мансСЛ** — среднелозвинский диалект мансийского языка; **н.-луж.** — нижнелужицкий язык; **удМС** — сарапульский диалект удмуртского языка; **хантЮ** — юганский диалект хантыйского языка.

А. М. РОТ (Užgorod)

EINIGE FRAGEN DER ALTUNGARISCH-ALTRUSSISCHEN SPRACHLICHEN KONTAKTE

Das Problem der linguistischen Interferenz der altungarisch-altrussischen sprachlichen Kontakte gilt als eines der kompliziertesten Probleme, das wegen falscher außerlinguistischer Ausgangspunkte vernachlässigt worden ist. Mit Hilfe einer komplexen Etymologisierung und auf Grund einer retrospektiven Ermessung der Etymologien ist der Verfasser zur Schlußfolgerung gekommen, daß der Anfang der altungarisch-altrussischen sprachlichen Kontakte schon ins VII. Jahrhundert zurückreicht. Die altrussischen Lehnwörter im Ungarischen (z. B. *borona*, *gerendely*, *kerecset*, *tanya*, *varsa*, *zsidó* u. a.) wurden den semantischen Mikrostrukturen nach klassifiziert. Das bot die Möglichkeit, einige kultur-historische Fragen der ungarischen Urgeschichte zu erörtern. Die Lautgestalt der altrussischen Lehnwörter *család* und *cseléd* im Ungarischen, ihre phonetische, phonologische Akkommodation, Adaptation und Assimilation half uns, die absolute Chronologie der Palatalisierung der ostslawischen halbweichen Konsonanten festzustellen. Diese Erweichung fand in der Mitte des VIII. Jahrhunderts statt.

⁴⁰ Украинская полумягкость согласных перед *e* и *i* развилась вторично, на месте мягкости, т. е. мы имеем здесь дело с обратным фонетическим процессом: полумягкие согласные → мягкие согласные → полумягкие согласные. См. об этом С. М. Кульбакин, Украинский язык, Харьков 1919, стр. 35—37.